

ОБРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ*

Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2013. 336 с.

Ключевые слова:

теория международных отношений; евразийство; славянофильство; западничество; Россия; внешнеполитическая идеология.

После крушения советской системы и освобождения отечественных социальных наук от марксистско-ленинских догм российские обществоведы, и международники в частности, обратились к освоению западных политологических теорий. Результатом стало доминирование в научном дискурсе концептуальных построений западных учёных-гуманитариев, в то время как интерес к изучению российской социально-философской и политической мысли был незаслуженно отнесен на второй план. Казалось, что наследие отечественных мыслителей XIX – начала XX веков не поможет в формировании современной российской политологии.

На фоне происходящего в нашей стране в начале XXI в. «консервативного ренессанса» стало крепнуть понимание того, что развитие политической науки не может осуществляться «с чистого листа», что прогресс гуманитарного знания нуждается в опоре на традиции русской мысли. Не случайно поэтому в последние годы усиливается интерес к творчеству дореволюционных российских мыслителей, а феномен отечественного консерватизма привлекает все более пристальное внимание исследователей.

Сказанное полностью относится и к теории международных отношений – той

сфере политической науки, в которой доминирование западных концепций до последнего времени было особенно заметным. Поэтому предпринятая профессором Калифорнийского университета в Сан-Франциско А.П. Цыганковым попытка конституирования русской/российской «международной теории» на основе воссоздания основных интеллектуальных корней отечественной социально-философской и политической мысли является исключительно своевременной.

Под теорией международных отношений (ТМО), или международной теорией, автор предлагает «понимать систему аналитических и культурно укоренённых представлений и размышлений о мире» (с. 11). А. Цыганков подчёркивает, что любая национальная школа международных отношений формируется в определённом политическом, экономическом, культурном контексте, отражает национальный характер и социокультурную специфику страны, в которой она сформировалась. Русская международная теория должна поэтому опираться на «русское воззрение» (К. Аксаков), исторически сложившуюся в нашей стране систему взглядов и ценностей, укоренённые в отечественной культуре представлений и размышлений о мире.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?»).

Для связи с автором / *Corresponding author:*
Email: rabotiajev@mail.ru

Предпринятая в книге реконструкция традиций российской политической мысли представляет не только академический интерес. Как отмечает А.Цыганков, изучение собственных традиций взаимодействия с международным окружением должно в перспективе привести к оформлению российской национально-культурной школы международных отношений, что внесло бы существенный вклад в развитие глобального сообщества международников (остающегося пока преимущественно англо-американским или американо-европейским по своему происхождению). Кроме того, лучшее понимание российского взгляда на мир будет способствовать проведению отвечающей интересам россиян национально-ориентированной внешней политики и уберёжёт политиков от ненужных импровизаций.

В своей книге учёный успешно использует историко-социологический метод исследования, позволяющий воссоздать историческую канву рефлексии российских мыслителей.

В первой главе анализируются ключевые понятия ТМО — свобода, государство и мировая система. Автор выявляет универсальное и социокультурное в этих понятиях, рассматривает их толкование в рамках русской интеллектуальной традиции и сопоставляет его с трактовкой этих концептов в западной международной теории. Русское понимание свободы, пишет А. Цыганков, в отличие от западного, больше связано с сильной государственностью, социально-экономической справедливостью, свободой от национально-этнических перегородок и независимостью от внешнего давления. В русской интеллектуальной традиции свобода и равенство не отделены друг от друга (как в европейском консерватизме), но предполагают и обеспечивают друг друга благодаря наличию мощной государственной власти. В русской мысли на протяжении столетий доминировали взгляды на государство как на сильную власть, которая утверждает морально-этические идеалы православия, обеспечивает политико-эко-

номическую справедливость и защищает общество от угроз извне.

В размышлениях русских о мире определяющими являются темы российской культурно-цивилизационной идентичности и социально-экономического развития. Сопrotивляясь западноцентричной модели развития мира, русские, отмечает А. Цыганков, исторически стремились утвердить себя как культурно самобытную великую региональную державу.

В последующих главах рассматриваются важнейшие традиции русской международной теории. Исследователь даёт их оригинальную типологизацию, выделяя три основные традиции отечественной ТМО — западничество, державничество и третьеримство.

Основными постулатами *западничества*, согласно А. Цыганкову, являются превосходство западноевропейской цивилизации как модели исторического и институционального развития, вторичность и несамостоятельность российского исторического пути и необходимость для России поддерживать систему западных международных союзов. Это направление мысли предполагает, что Россия разделяет основные интересы и ценности западных стран, следуя им во внешней политике, а прозападная внешняя политика более всего отвечает российским национальным интересам. В рамках российского западничества сложилось три исторических школы. Первую из них можно назвать религиозным западничеством. Её представители — Н.М.Карамзин, П.Я.Чаадаев, Вл.Соловьёв — делали упор на единстве христианских корней России и Европы, подчёркивали, что христианские идеалы и ценности являются общими для Запада и России. Второй школой западничества стал конституционализм, или правовое западничество (Б.Н.Чичерин, П.И.Новгородцев, А.Д.Сахаров). Эта версия западничества отстаивает универсальность приоритетного утверждения частной собственности и индивидуальной свободы и предполагает, что движение к более мирному разрешению международных споров станет результатом глобального распро-

странения западных экономических и политических ценностей.

Третьей школой отечественного западничества является реформистский социализм, основными представителями которого, согласно автору, являлись Г.В. Плеханов, Н.И. Бухарин, Н.В. Загладин. Адепты этого направления были приверженцами не западного либерализма, а западного социализма, с которым и связывали будущее России. Впрочем, взгляды Бухарина, по-видимому, целесообразнее было бы рассмотреть в разделе, посвящённом коммунизму, — рядом с концепциями В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина. Ведь под «реформистским социализмом», как правило, понимается демократический, эволюционный социализм, сторонником которого был отнюдь не Бухарин. Большевицкий теоретик отстаивал насильственную революцию, диктатуру пролетариата и громил европейскую социал-демократию. Уместно было бы продолжить анализ внутри- и внешнеполитических концепциями аутентичных реформистских социалистов — меньшевиков или российских социал-демократов посткоммунистической эпохи.

В книге подробно рассматривается и современное развитие российского западничества, которое ныне представлено главным образом либералами-институционалистами (модернизаторами-рыночниками, правозащитниками, западниками-государственниками). Для большинства из них, отмечает А. Цыганков, характерно представление о том, что национальные интересы и государственный суверенитет будут с неизбежностью ослабевать перед лицом глобализации, развития мирового гражданского общества и экспансии транснациональных корпораций.

Другой влиятельной традицией отечественного международного мышления является *державничество*, или *державность*. Его сторонники утверждают, что Россия прежде всего должна отстоять статус великой державы и проводить независимую внешнюю политику. Для державников приоритетны сохранение территориальной целостности государства, его безопасность

от внешних угроз, а также увеличение международного престижа и влияния страны.

Русских державников автор делит на три основные группы. К первой относятся те, кто исторически выступал за союз с Западом против общих угроз. Примерами подобного сотрудничества может быть участие России в межгосударственных альянсах типа Священного Союза и Антанты, попытка создать антигитлеровскую коалицию в преддверии Второй мировой войны, открытие Второго фронта, предпринятые В.В. Путиным в начале XXI в. усилия по созданию коалиции с западными государствами на основе борьбы с терроризмом. Ко второй группе относятся те, кто выступает за гибкую союзническую политику, требуя не замыкаться на странах Запада как на приоритетных партнёрах (умеренный изоляционизм). Подобную политику проводили, например, канцлер А. Горчаков («сосредоточение» России после Крымской войны) или Е.М. Примаков, стремившийся отстоять и восстановить позиции России, утраченные ею после распада СССР.

Для третьего типа державного мышления характерна наступательность, в том числе в отношениях с Западом. «Наступательную» политику проводили, например, Николай I во время Крымской кампании, советское руководство в начале «холодной войны». Наступательное мышление вернулось в Россию в середине 2000-х годов, что нашло своё отражение, в частности, в знаменитой мюнхенской речи В. Путина 2007 г.

Третьей важнейшей традицией русской политической мысли является *третьеримство*, отстаивающее цивилизационно-культурную самобытность нашей страны. Введённый автором термин «третьеримство» не значит, что всех представителей данной традиции можно причислить к сторонникам концепции «Москва — третий Рим». Это понятие используется в книге метафорически, в качестве образа русской особенности.

С точки зрения представителей «третьеримской» традиции, Россия сформировалась как особый мир со своими ценностями, институциональной структурой и от-

ношениями с внешней средой. В отличие от державничества, в третьеримстве подчёркивается недостаточность утверждения политической независимости и защиты национальных интересов. «Сам смысл защиты интересов в третьеримстве связывается с формированием, защитой и расширением ареала влияния русских ценностей» (с. 212). Тремя основными «семьями» российского третьеримства являются славянофильство, русский коммунизм и евразийство.

Славянофилы были убеждены в особом духовном складе русских и всемирно-историческом призвании России, а русский национальный характер связывали с христианством и особенностями славянского этноса. Автор подробно рассматривает взгляды как классиков славянофильства (К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), так и философов, продолжавших заложенную ими интеллектуальную традицию (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов), и таких сторонников русского православного национализма, как И.А. Ильин и А.И. Солженицын. В этом смысле трактовка автором мировоззрения Вл. Соловьёва и как религиозного западничества, и как версии славянофильства вполне обоснованна — ведь в творчестве русского философа переплетались и те, и другие мотивы. Близкий в молодости по своим взглядам к славянофилам Соловьёв впоследствии претерпел определённую эволюцию в направлении западничества.

Рассматривается, наконец, и новое славянофильство, связанное с творчеством публицистов национально-патриотического направления, публикующихся в журналах «Москва», «Наш современник» и др. Автор обоснованно отмечает, что в сегодняшнем славянофильстве доминирует имперско-государственническое направление, в то время как «влияние идей Соловьёва, Бердяева и Федотова с характерным для них критичным отношением к государству... мало заметно» (с. 254-255).

Думается, что именно отход от обоснованного с христианской точки зрения либерализма (который был неотъемлемой

частью славянофильского мировоззренческого комплекса от Хомякова и Киреевского до Солженицына) и апология этатизма и «державности» губительны для современной национально-патриотической идеологии. Попутно заметим, что радикальное антизападничество, находящее отражение, например, на страницах газеты «Завтра», настоящим славянофилам никогда свойственно не было.

Второй крупной разновидностью самобытно-русского международного мышления, согласно А. Цыганкову, является *коммунизм*. Придя в Россию из Европы, коммунистическая идея подверглась глубокому переосмыслению на российской почве, что породило ряд заслуживающих внимания теорий — от анархизма М.А. Бакунина до неомарксизма Б.Ю. Кагарлицкого. В книге анализируются анархические идеи М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, народнический социализм А.И. Герцена и Н.К. Михайловского, но наиболее пристальное внимание, что вполне естественно, уделяется теоретической и практической деятельности лидеров большевиков. Подробно рассматриваются как троцкистско-ленинская концепция мировой революции, так и сталинская теория национального коммунизма, которая «означала разрыв с троцкистско-ленинской теорией мировой революции» (с. 273). Освещается эволюция коммунистических идей в России после роспуска СССР, прослеживается трансформация «сталинистов» (национал-коммунистов) в левых националистов-государственников, а «троцкистов» — в радикальных антиглобалистов.

Впрочем, автор переоценивает вклад российской интеллектуальной традиции в процесс формирования большевизма. Тезис о том, что «троцкистско-ленинская теория мировой революции идейно выросла из анархистской критики государства и герценовско-народнического убеждения в социально-экономическом своеобразии... России» (с. 268), явно однокбок. Хотя становление большевизма и происходило под определённым влиянием предшествовавшей ему российской революционной

традиции, всё же в основе политической философии В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого лежал главным образом марксизм (в его якобинско-бланкистской интерпретации). На наш взгляд, большевизм изначально представлял собою отечественную версию западного радикализма, а в его идейном генезисе гораздо более важную роль, чем взгляды Бакунина или Герцена, сыграли концепции европейских политических мыслителей и революционеров — К. Маркса, Ф.Энгельса и якобинцев. Именно поэтому о «третьеримстве» большевистских вождей можно говорить лишь с оговорками. Для Ленина, Троцкого, Бухарина Россия была прежде всего плацдармом «мировой революции», любые черты её своеобразия трактовались ими только как свидетельства её «отсталости» и «реакционности», а традиции подлежали искоренению. И только в середине 1930-х годов в официальной советской идеологии начались сдвиги в сторону частичной реабилитации российского прошлого и признания традиционных ценностей.

Наконец, А. Цыганков анализирует третью школу российского третьеримства — *евразийство*. Евразийцы, как и другие сторонники теории российской самобытности, верили в особую роль России в мире, которая связывалась ими прежде всего с уникальностью географического положения и вытекающей из него способностью объединять славянские и тюркские народы. Идеология евразийства формировалась под сильным влиянием цивилизационных концепций Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Евразийцы утверждали, что Россия не является европейской страной. Она есть Евразия, особый культурно-географический мир, скорее тяготеющий к Азии. Как их духовные предшественники, евразийцы считали желательным для России «отгородиться» от Европы. В центре их внимания было противостояние экспансии европейской (западной) цивилизации и поиск оптимальной стратегии выживания в условиях давления Запада.

В данном разделе речь прежде всего идёт об историософских построениях Н.Я. Да-

нилевского и К.Н. Леонтьева и их влияния на евразийскую мысль. Затем автор переходит к рассмотрению классического евразийства — работ Н.С. Трубецкого, П.П. Сувчинского и других евразийцев 1920-х — 1930-х годов, творивших в русском зарубежье. Затем рассматривается евразийство советского периода, точнее говоря, творчество его самого яркого представителя Л.Н. Гумилёва, разработавшего оригинальную концепцию этногенеза. В завершение автор переходит к анализу концепций «новых евразийцев» — А.Г. Дугина и В.Л. Цымбурского, в которых нашла отражение геополитическая ситуация, возникшая после распада СССР. В то время как Дугин (доводящий до крайности географический детерминизм известного евразийца П.Н. Савицкого) обосновывает необходимость установления Россией контроля над евразийским материком и воссоздания империи, Цымбурский и его сторонники продолжили развитие идеи геополитической самодостаточности и внутреннего освоения России. Подытоживая свой анализ, автор отмечает две ключевые слабости евразийства (как классического, так и современного): *во-первых*, замкнутость на противостоении Европе и Западу в целом и, *во-вторых*, недостаточная проработанность вопроса ценностей русской цивилизации. Впрочем, понятно, что с позиций только лишь географического детерминизма (которые разделяют многие евразийцы) духовные основы российской идентичности едва ли могут быть выявлены вполне.

Заключительная часть книги посвящена не столько прошлому, сколько будущему российской международной теории. «Нежелание вкладывать необходимые ресурсы в развитие “русского воззрения” (К.С. Аксаков) на мир неизбежно обернётся тем, что россияне утратят самостоятельную систему взглядов и ценностей» (с. 322). Между тем такая система, формировавшаяся на протяжении веков, не раз помогала России в ответе на международные вызовы. В начале XXI века таким вызовом является становление многополярного мира,

и если российское руководство намерено внести заметный вклад в этот процесс, то оно не может не способствовать формированию отечественной международной теории.

Между рассмотренными в книге традициями и школами отечественной международной теории существуют глубокие различия, их полный вневременной и внеисторический сплав невозможен. Тем не менее автор предпринял плодотворную попытку наметить один из возможных синтезов различных традиций в целях формирования желаемого глобального будущего. Учёный полагает, что «оптимальным было бы соединение умеренного изоляционизма и прагматического сотрудничества с внешним миром, что позволит создать условия для внутренней модернизации и преодоления ценностного кризиса» (с. 322-323).

Вполне обоснованным представляется и вывод автора, что «державничество и стремление к демократии должны быть интегрированы в русскую систему ценностей» (с. 324). Как показывают «экономические чудеса» новых индустриальных государств Восточной Азии, модернизация может быть успешной только в том случае, если она опирается на культурно-исторические традиции и духовные ценности страны.

Книга А.Цыганкова, без сомнения, может быть интересна и полезна политологам, философам, государственным служащим, дипломатам, преподавателям общественных наук и студентам-гуманитариям – и всем тем, кому небезразлична судьба России.

*Николай Работяжев,
кандидат политических наук*

Список литературы

Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2013.

SCRIPTA MANENT Book reviews

GOING BACK TO OUR ROOTS

NIKOLAI RABOTYAZHEV

Institute of World Economy and International Relations, Moscow, 117997, Russian Federation

Keywords:

international relations theory; Eurasian movement; Russia; foreign policy ideology.

References

Tsygankov A.P. 2013. *Mezhdunarodnye otnosheniya: traditsii russkoy politicheskoy mysli* [International Relations: Russian Political Thought Traditions]. Moscow: Alfa-M, INFRA-M.